

III.

Люди безъ лица въ себѣ.

— Смирись, гордый человекъ! Потрудись, праздный человекъ.

Пушкинская рѣчь Достоевскаго.

Мертвые срама не имуть.

Изреченіе князя Святослава.

Эти слова, когда-то съ такимъ пафосомъ сказанныя Достоевскимъ, я напротивъ, произношу съ чувствомъ неудержимаго смѣха,—въ совѣтъ другихъ обстоятельствахъ и передъ другими лицами. Нѣсколько заиндѣвѣвшихъ отъ скуки библиографовъ (ибо они здѣсь трудятся безъ призванія) и одинъ плоскій фельетонистъ, задумали издавать журналъ „Завѣты“, т. е. завѣты *шестидесятыкъ годовъ*, завѣты Чернышевскаго и Добролюбова... А печатаютъ ихъ и пишутъ въ нихъ свои „сочиненія“ Рубакинъ, Венгеровъ, Ивановъ-Разумникъ и заграничный протодіаконъ Амфитеатровъ. Все это—плоско, скучно, бездарно какъ всякое повтореніе, и въ сущности неискренно, какъ не могутъ быть „искренними“ конвульси въ лицѣ у искусственно-оживляемаго мертвеца. Но по отсутствію какого-нибудь остроумія у этихъ библиографовъ и у этого фельетонъ-протодіакона, они не замѣчаютъ комическаго своего положенія. Такъ какъ *по формѣ* они возобновляютъ „великіе завѣты“, то они приписываютъ себѣ необыкновенную важность, говорятъ всѣ четыре господина басомъ, а главное стараются браниться точь-въ-точь такъ, какъ когда-то ругались ихъ „великіе предшественники“, Николай Гавриловичъ и особенно Михаилъ Евграфовичъ. Такъ называютъ благоговѣнно въ своемъ кругу Чернышевскаго и Щедрина.

Не замѣчая, тоже по неостроумію, что это всего только—комическая труппа странствующихъ актеровъ,—люди, всего

только щеголяющіе въ чужомъ и изношенномъ платьѣ, даже въ савантъ съ мертвецовъ, — Философовъ въ жалобномъ „Письмѣ въ редакцію“ газеты „Рѣчь“ распространяется передъ ними во прахъ, не смотря на то, что именно въ „Завѣтахъ“ и именно одинъ изъ этихъ библиографовъ выбрали и его, и находящееся подъ предсѣдательствомъ его Религіозно-философское Общество, и выбрали съ крайнимъ поношеніемъ, назвавъ сіе общество обществомъ какихъ-то идейныхъ жуликовъ и пустозвоновъ. Какъ ни мало вѣроятенъ этотъ жаргонъ, онъ прописанъ en toutes lettres въ великихъ „Завѣтахъ“, и даже нисколько не пугаетъ, такъ какъ повторителенъ и подражателенъ, напр. въ отношеніи великаго „завѣщателя“, Зайцева. Онъ называетъ участниковъ, руководителей и гостей Религіозно-философскаго Общества „клопными шкурками“, — и это наименованіе по крайней мѣрѣ сотни образованныхъ людей, въ числѣ коихъ находятся Философовъ, Мережковскій, проф. Карташевъ и проч. люди съ именемъ, положеніемъ и призваніемъ за ними, взялъ въ заглавіе своей пошлой, клеветнической, а главное — совершенно неразумной статьи. Но и въ 60-ые годы не „разбирали“, а ругались, и въ томъ состоитъ поддерживаемый сейчасъ „завѣтъ“.

Ивановъ-Разумникъ, — ибо сей библиографъ есть онъ, — не ограничился „клопными шкурками“ по адресу сотни человѣкъ; онъ о *всѣмъ* Религіозно-философскомъ Обществѣ, бывъ на немъ по собственному признанію только одинъ разъ, выражается, что тамъ ученые и литераторы „занимаются религіознымъ блудомъ“, „религіознымъ развратомъ“, что члены этого общества суть „сухіе и злобные мертвецы“... Ну, а чтобы понять всю эту канонаду и понять, откуда она сыплется, кто ее произноситъ, достаточно привести заключительныя слова Иванова-Разумника: „христіанство — не удалось, да и всѣ міровыя религіи кончились, а посему и попытки Философова и Мережковского возродить христіанство — обречены на провалъ“.

Каждому сколько-нибудь уметвенно и нравственно-воспитанному человѣку ясно, что за фигура произносить эти слова. Достаточно назвать *огромные* труды этихъ послѣднихъ лѣтъ, посвященные Апостолу Павлу (проф. Н. Н. Глубоковского), бл. Августину (проф. В. Герье), Амвросію Медіо-

ланскому (Г. В. Прохорова), религиозному мыслителю Влад. Соловьеву (кн. Евг. Н. Трубецкого и Э. Л. Радлова), достаточно вспомнить великую, *святую* дѣятельность епископа Николая, въ Японіи,—на могилу коего ходятъ молиться *язычники*-японцы, видѣвшіе высокую красоту его лица и его жизни, и что въ праздникъ Троицы старъ и младъ, мужчины и женщины, родители и дѣти, *всѣ, всѣ* идутъ въ церкви, на долгое и утомительное стояніе, между прочимъ на очень долгое стояніе на *колѣняхъ*, идутъ по минованіи *тысячи пяти-сотъ* лѣтъ послѣ того, какъ „все это началось дѣлаться“, чтобы понять, оцѣнить и признать, что „христіанство окончилось“ собственно въ головѣ библіографа, по великой его умственной неразвитости, что оно „окончилось“ между Мойкой и Фонтанкой въ Петербургѣ, у господъ уторопленныхъ литераторовъ, погибшихъ въ корректурахъ, рукописяхъ, многописаніи и скорописаніи, погибшихъ въ журнальныхъ и газетныхъ сплетняхъ,—но что все сіе маленькое событіе на петербургской мостовой и въ редакціонныхъ кулуарахъ вообще не представляетъ никакого значенія—даже никого не можетъ заинтересовать. У усталого человѣка голова наливается свинцомъ, въ глазахъ—туманъ, и „всѣ религіи кончились“, потому что въ сущности онъ самъ „кончился“, задохся и погибъ въ усталости, чернилахъ и бумагахъ. Таковъ библіографъ безъ призванія,—не какъ любящій свое дѣло Соловьевъ, Петровъ, бар. Врангель („Библіофилъ“ и „Старые годы“), а напротивъ какъ скупающій своимъ дѣломъ Ивановъ-Разумникъ (дале же Господь ему такое насмѣшливое имя).

Философова бы такъ и отвѣтить,—вѣдь онъ все это, что я говорю, видитъ, знаетъ и объ этомъ не сомнѣвается. Но, увы, Философовъ уже давно не есть Философовъ; Философовъ изъ руководителей „Міра искусства“ попали въ сотрудники, притомъ второстепенные, еврейской газеты „Рѣчь“.... и, и...

„Смирился“ гордый человѣкъ! Боже, какимъ онъ тономъ разговаривалъ бывало со Стасовымъ, да и съ самими Михайловскимъ и Влад. Соловьевымъ, со страницъ „Міра искусства“! Онъ былъ тогда „въ себѣ“, „самъ“... Ахъ, ужасныя вещи дѣлаются, когда человѣкъ теряетъ лицо свое. Человѣкъ безъ лица?—Ничто! Въ это бѣдное „ничто“ преврати-

лись всё они, отошедшіе отъ „Міра искусства“, отъ „Новаго пути“ и „Вопросовъ жизни“, Философовъ и Мережковскіи, и пошедшіе работать на евреевъ и ухаживать за „русскимъ соціально-рабочимъ движеніемъ“ (не имѣя съ нимъ ничего общаго)...

Казалось бы, послѣ приведенныхъ безсмысленно-злобныхъ словъ Разумника можно обидѣться и за себя, а главное— за *честь* Религіозно-философскаго Общества, коего онъ былъ однимъ изъ основателей. Куда! „Обижаться“ можетъ человекъ съ лицомъ. Но что дѣлать бѣдному Философову безъ лица? Да говорить тѣ унизительныя слова, тѣмъ унизительнымъ шопотомъ, который больше похожъ на цѣлованье ручки у барина, чѣмъ на какую-нибудь вообще литературу.

„Если бы г. Ивановъ-Разумникъ пожелалъ сдѣлать докладъ въ Религіозно-Философскомъ Обществѣ, то его докладъ былъ-бы охотно принятъ, при условіи (!еще-бы!!!) свободы въ его обсужденіи и оцѣнкѣ“... „Руководители Религіозно-Философскаго Общества всегда охотно даютъ слово своимъ врагамъ даже, и отнюдь не замыкаются въ кружковщину. Въ Обществѣ высказывались съ кафедръ и представители официальной церкви, и сектанты, и позитивисты-интеллигенты, и всяческіе модернисты“ („отъ коихъ первый есмь азъ“, могъ-бы добавить Философовъ). Но „Ивановъ-Разумникъ стоитъ во главѣ журнала *Завѣты*, къ которому я отношусь съ величайшимъ уваженіемъ, а потому мнѣ приходится допустить мысль, что заблужденіе г. Иванова-Разумника добросовѣстно“. А посему „онъ говоритъ искренно, въ силу своей дѣйственной любви, считая ихъ подлецами и мертвецами“.

Такъ—напечатано... Этимъ когда-то гордымъ Философовымъ! Куда дѣвались перья у павлина? отчего онъ выглядит такой общипанной вороной. Нельзя не замѣтить, что Ивановъ-Разумникъ совершенно молоденькій писатель, гораздо моложе Философова. Откуда-же такая почтительность, такое „стояніе босикомъ въ Каноссѣ“ Д. В. Философова?

А что же ему дѣлать, когда онъ безъ лица? „Безъ лица“ человекъ всегда бьютъ, и „безъ лица“ человекъ вообще извиняется, кланяется и старается „ухватить ручку благодѣтеля“. „Благодѣтели“ же его—евреи изъ „Рѣчи“, и уже въ

„Завѣтахъ“ если только упомянуть его фамилію, даже съ ругательствами, то онъ на нѣсколько дней счастливъ. До него снисходить Амфитеатровъ! Его упомянулъ, „выругавъ меня и друзей моихъ подлецами“, Ивановъ-Разумникъ!! Боже мой, какая честь... Такіе-то ужасные радикалы... Которыхъ боится вся Россія... И кажется знамена склоняются передъ Ивановымъ-Разумникомъ, и гремятъ бубны и литавры.

Да кто-жъ? Почему?

Въ Академіи наукъ

Засѣдаетъ князь Дундукъ

Отчего онъ засѣдаетъ?

Отъ того, что *что-то* есть...

А Ивановъ-Разумникъ „отчего въ засѣдателяхъ“? У него заслугъ больше, чѣмъ у князя Дундука. Онъ, видите ли, „покончилъ всѣ религіи“ и сказалъ, что „христіанство—изжилося“.

И вдругъ передъ *такимъ-то*, передъ *такимъ* Предсѣдатель и основатель *Религіозно-Философскаго* Общества... бухъ въ ноги...

Этимъ „Письмомъ въ редакцію“ Философовъ, не замѣчая самъ того, подтвердилъ всѣ страшныя обвиненія Иванова... Но обвиненія эти ни мало не касаются *настоящаго* Религіозно-Философскаго Общества, основаннаго въ 1903 году, когда и Философовъ и Мережковскій еще не снимали съ себя лица своего, когда они были „сами“...

А „маски“?.. Ихъ вообще „бьютъ“, когда они забредаютъ не въ свое мѣсто, попадаютъ въ веселыя дома, и т. п., гдѣ вообще „правовъ“ не полагается. Съ „маской“ не церемонятся, ибо она „сдѣлана“ и „чужая“. Въ томъ *насилъственномъ переломѣ*, который произвели въ Религіозно-Философскомъ Обществѣ г.г. Мережковскій и Философовъ, вернувшись изъ Парижа лѣтъ пять тому назадъ,—послѣ чего другіе основатели этого Общества покинули его,—уже сохранились *implicite* всѣ теперешніе тягостныя событія въ Обществѣ. Тогда его не посѣщали радикалы, но и не топтали ногами никто. Теперь, по краснорѣчивому заявленію Философова, „насъ ругаютъ подлецами“. Это бы еще ничего. За брань отвѣчаетъ, кто говоритъ ее. Но онъ продолжаетъ:—„А мы ихъ за это—въ ручку“.

Это рѣшительно гадко. Жалкія судьбы общества, и, по-

истинѣ, недостойные его „руководители“ (самъ о себѣ Философовъ).

Но что подѣлаешь. Нѣтъ лица, безъ „лица“—и безъ *глазъ*. Такой человекъ не видитъ. И они въ полной слѣпотѣ потащили вѣру человеческую, молитву человеческую, утѣшеніе скорбящихъ и болѣющихъ,—къ сытымъ и распоясаннымъ богатѣямъ кабака („заправила общественнаго и литературнаго мнѣнія“), гдѣ имъ причинили все, что тамъ обычно всѣмъ причиняютъ.

Но вотъ вопросъ, какой-то больной и странный: да *отъ чьего имени и по чьему разрѣшенію* они эти страдальческія молитвы человечества втокнули на обсужденіе гнусныхъ господъ изъ „Завѣтовъ“.

Кто имъ далъ право?

И не отреклись ли самымъ движеніемъ сюда, съ „цѣлованіемъ ручекъ“, они отъ религіи, отъ Христа, отъ христіанства. „Или съ Велиаромъ, или съ Богомъ“...

Но никогда эти неразумные и сильные не поймутъ того. Нѣтъ, во-истину, имъ *самимъ только кажется* (искренно и ложно), что они „съ Богомъ“ и „для Бога“ работаютъ. Во-истину, они—съ пустотою.

И пустотой оканчивается все. Въ пустоту все разсѣивается.

В. Розановъ.
